

А. П. Яхонтов

Переселение и колонизация

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я90

Я90 **Яхонтов А.**
Переселение и колонизация / А. П. Яхонтов – М.: Книга по Требованию, 2026. –
107 с.

ISBN 978-5-521-39906-2

ISBN 978-5-521-39906-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Знатор русского переселения А. А. Кауфман свою диссертацию, посвященную подведению итогов русского переселенческого дела и переселенческой политики, озаглавил: „Переселение и колонизация“. В ней говорится: „Русское переселение—последний акт того процесса колонизации русской государственной территории, который составляет такую существенную черту всей внутренней истории нашего отечества“. Мы видим, что здесь терманы „переселение“ и „колонизация“ употребляются, как друг друга покрывающие.

Однако, в одной из более ранних работ А. А. Кауфмана имеется попытка разграничить эти два понятия. „Слово „переселение“, приблизительно однозначнее с немецким выражением „внутренняя колонизация“—говорится там—обозначает передвижение земледельческого населения внутри границ государства с целью поселения в новых необитаемых или малообитаемых странах“.

Иными словами, *переселение есть земледельческая колонизация необжитых или малообжитых территорий своего государства.*

„Под колонизацией обыкновенно разумеется массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства“. Наиболее типичными районами нашей российской колонизации является Сибирь. Заселение ее шло сначала в интересах только засельщиков, позже—в более определенно выраженных и исключительных интересах „метрополии“, т.е. Европейской России. Такое положение вещей сделало термин „колонизация“ настолько одиозным, что в некоторых частях СССР от употребления его решительно следует воздержаться.

В советских условиях понятие „колонизация“ должно изменить свое содержание. Ему надлежит вместить в себя представление о том, что не навязывается извне более или менее насильно иными интересами. Под понятием „колонизация“ надлежит понимать то, что вытекает из потребностей самих окраин или колонизационных районов вообще. Конечно, эти потребности должны быть согласованы с общегосударственными интересами в целом.

Настоящий конспект лекций есть только попытка проследить эволюцию колонизационно-переселенческого дела в России и дать необходимые сведения практическим работникам по переселению и землеустройству.

Переселение и колонизация в крепостную эпоху.

Общая часть. Природные условия России в лице однообразия поверхности и климата, хороших естественных путей сообщения и быстрого роста населения сообщили населению страны известную подвижность. На первых страницах истории Древней Руси уже наблюдаются массовые переселения народа из одной части равнины в другую. Тяжелой оказалась жизнь в Киевщине (XII—XIII в.) от набегов кочевников, и население могучей волной потекло в междуречье Оки и Волги. Исчезла угроза от степных кочевников, и население Руси опять движется на юг. После покорения царства Казанского и Астраханского открылись привольные земли Поволжья, и население течет туда. По уничтожении крепостного права наблюдается массовое переселение в Приуралье и за Урал. Словом, на протяжении всей своей истории русский народ движется на свободные и, особенно, в укромные места. Он уходит и от татарина, и от Литвы, и от дурного воеводы, и от тяжелой подати, и от рекрутчины, и от злого барина, и от земельной тесноты. Конечно, вся сила в том, что русскому народу было куда уходить, было куда податься. Наш крестьянин знал, что за Окой, на Дону, на низовом Поволжье или, позднее, в Сибири есть такие места, где ни боярин, ни подъячий его не достанут.

Этот процесс переселения продолжался и в крепостную эпоху, с той только разницей, что теперь он был одним из наиболее важных явлений народно-хозяйственной жизни. Народные массы продолжали свое размещение на территории государства. Заканчивался феодальный период истории, который можно кратко так характеризовать. В хозяйственном отношении он везде обуславливался развитием товарного хозяйства с обширным рынком. Везде развивался гражданский оборот земли, росло крупное землевладение, достигала большей интенсивности техника хозяйства, беднели массы. Всюду возрастало экономическое неравенство, которому соответствовали противоположности классовые и сословные. Растут привилегии олигархии. Везде, в особенности в русских вольных городах, олигархический строй находил себе все более и более яркое выражение. Одновременно с этим порождалось недовольство масс и их равнодушие к свободам. Свобода им ничего не давала, иными словами—феодализм стал препятствием к развитию производительных сил. Старые правящие классы отжили. Назрел переход власти в руки нового класса. Приближалась, наступала революция, критическая эпоха. Власть должна была перейти из рук феодальной аристократии в руки дворянства.

Наибольшее число переселенцев, как и прежде, доставляли наиболее густонаселенные районы, в которых с наибольшей силой чувствовалась властная рука государства. Такими районами являлись центральные области государства. Главную массу лиц, нас

лявших новые места, составляло русское земледельческое и военно-земледельческое население. Обыкновенно, сначала переселенцы на новых местах приобретали характер военно-земледельческий, а затем постепенно утрачивали черты военного быта, и становились вполне мирными, чисто земледельческими. Объяснялось это тем, что государственные границы постепенно двигались все дальше и дальше на юг и восток. Те места, где раньше оседали переселенцы, были во время их заселения окраиной, требующей военной защиты. Потом окраиной делались соседние области и районы, и там колонизация повторяла свой военно-земледельческий характер.

По каким же путям шла колонизация? Пути были старыми проторенными дорогами. Земледельца центральной России, с ее изуроченной и неподатливой почвой, с ее лесами и болотами, всегда манили к себе просторные степи с тучным черноземом и редким населением. Степи юга, низовье Поволжья и восток — вот те заветные места, куда направлялись переселенцы. Вплоть до самой крестьянской реформы 1861 года шли они туда, то в одиночку, то целыми толпами, то по собственному почину тайком от помещика и властей, то, напротив, при содействии и инициативе самих владельцев. Однако, переселение вызывалось не только одними экономическими причинами, но и социально-политическая сторона в нем играла заметную роль. Поэтому переселенцев привлекали к себе не одни районы с благоприятными естественными и экономическими условиями. Стремясь уйти от государственного тягла и помещичьего произвола, земледельческое население зачастую уходило в Прибалтийские губернии, Польшу и Литву. Там оно надеялось устроить свою жизнь более свободно, не рассчитывая совершенно на земельный простор.

Иногда чисто политические причины заставляли правительство обращать внимание на заселение таких местностей. Эти местности не представляли благоприятных условий к ведению там сельского хозяйства, но имели, однако, весьма большое значение в других отношениях. Правительству необходимо было их заселить во что бы то ни стало русским элементом, и оно стремилось направить туда добровольное переселение или принимало даже меры к их заселению принудительным порядком. Таковы были меры по заселению Ингерманландии русскими колонистами.

Различная степень удаленности колонизируемых мест от районов выхода переселенцев явилась причиной разновременного и неравномерного их заселения. В крепостную эпоху мы можем наметить следующую постепенность в заселении отдельных колонизируемых местностей. До второй половины XVIII в. колонизационная волна направляется исключительно в области, которые прилегали непосредственно к старым центральным районам государства. Колонизация шла по тому же пути, как и в предшествующую Московскую эпоху. Это были нынешние губернии: Тамбовская, Курская, Воронежская, Рязанская и среднее Поволжье. Сравнительно слабее был приток переселенцев в Слободскую Украину (в нын. Харьковскую губ.) и уже совсем ничтожен в остальную часть Украины. Объясняется это тем, что в 1648—1654 г. г. на Украине произошла революция. Восстание Хмельницкого перепутало все карты польского шляхетства. „Революция повела за собой изгнание крупной земельной аристократии и переход всех земель к украинским трудовым массам. Восставшие казаки и крестьяне уничтожали и грабили панскую движимость, забирали и угоняли панский скот, присваивали запасы панского добра, запа-

хивали посессорские межи и осваивали панские земли". В отторгнутой от Польши Украине пришлось организовывать хозяйство напово из развалин и на развалинах прежнего хозяйственного строя. Появились из Правобережной Украины выходцы, которые понемногу колонизировали теперешнюю Харьковскую губ. или Слободскую Украину. В 18 веке это заселение продолжалось теми же выходцами, и правительство, по соображениям политическим, затрудняло в течение долгого времени доступ на Украину великоросским переселенцам.

Со второй половины 18 столетия намечаются новые районы, в которые направляются переселенческие массы—это юг и юго-восток—в Новороссию, Донскую область, северный Кавказ, низовье Поволжья, Оренбургский край. Намечаются новые районы выхода переселенцев. Переселение идет по прежнему из губерний центральных, но наряду с этим оно идет из губерний Тамбовской, Курской, Воронежской, Рязанской. Оказывается, что губернии, служившие районами вселения в первой половине 18 столетия, теперь становятся губерниями выхода. Именно, из них колонизационное движение направляется с особенной силой, начиная со второй половины столетия.

Колонизационное движение выливалось в три основные формы: вольно-народная, помещичья и правительственная колонизация. Все указанные виды колонизации существовали и в московскую эпоху, но в крепостную эпоху они значительно увеличили свои размеры. *Старейшей по времени является вольно-народная колонизация.* В процессе ее переселение совершалось по инициативе самих народных масс, их средствами и силами. Контингент переселяющихся составлялся исключительно из земледельцев, которые вынуждены были по тем или иным причинам искать счастья на новых местах. Иногда к ним примыкали различные вольные элементы—лица, оставшиеся после петровских военных и финансовых реформ за пределами тогдашнего общества, т. е. „гулящие люди". Ближайшей причиной переселения в каждом отдельном случае являлась надежда устроиться на новых местах лучше, удобнее и свободнее, чем жилось на родине. Были и отдаленные причины, но постоянно действующая—частью политические, а частью социально-экономического характера.

Земледельческое население было прикреплено в своей огромнейшей части к помещику, либо к государству. Правительство до крайности стесняло свободу передвижения. Однако, стремление уйти из-под действия гнетущих условий жизни было сильнее всего. Крестьяне сотнями и тысячами покидали родные места и от тяжести московского тягла шли веками проторенными путями—переселялись. Вольно-народная колонизация являлась ничем иным, как бегством населения. Таким образом, народные массы, в процессе вольного переселения, снимались с насиженных мест и перемещались по территории государства действием экономических и политических причин. В значительной степени эти перемещения носили стихийный характер.

Второй вид колонизации, который можно назвать *колонизацией владельческой* (помещичьей), совершался по инициативе самих владельцев. Помещики отдавали распоряжения и оказывали свое содействие переселенцам в этом случае. Этот вид колонизации имел в своей основе факт политический—крепостное право. Однако, и она подчинялась известному экономическому влиянию—расчету помещика. Здесь только он получал непосредственную выгоду. В крепостную эпоху владельческая колонизация значительно возросла по сравнению с московским периодом.

Наконец, последний вид колонизации—*колонизация правительственная*. Колонизационная деятельность правительства была основана на общегосударственных интересах. Она являлась продуктом сознательного творчества. Этот вид колонизации совершался по инициативе правительства и сопровождался оказанием содействия переселенцам. Это содействие заключалось: в отводе переселенцам земли, в принятии на себя государством расходов по их передвижению, в помощи им в их первоначальном обзаведении и проч.

Как мы уже сказали, ближайшими факторами переселения являлись причины политические и социально-экономические. Политические причины были разнообразны: необходимость для государства заселения тех или иных окраин в целях их военной защиты; желательное с государственной точки зрения усиление русского элемента в том или ином районе. Наконец, были политические причины, которые вызывали перемещение населения из одной части страны в другую, либо облегчали это передвижение. Весьма дробными были и причины социально-экономического порядка. Стремление приобщить к сельско-хозяйственной культуре огромные незаселенные пустыни было на первом плане. Здесь не останавливала даже возможность ослабления населения и производительности хозяйства в местах выхода переселенцев. Далее—естественное стремление земледельцев и землевладельцев перенести свою деятельность в места, где на лицо были более благоприятные условия, где затраченный труд вознаграждался значительно лучше. И, наконец, создавались такие экономические условия, при которых на старых местах делалось крайне затруднительным вести хозяйство или там создавались избытки рабочих рук, искавших места для применения своего труда.

Однако, крепостное право—с одной стороны, и острое малоземелье в центральных областях государства—с другой стороны были причинами, действие которых было более или менее постоянным и длительным. Мы здесь позволим остановить свое внимание на причине экономической—*малоземелье*. На первый взгляд кажется странным существование малоземелья в крепостную эпоху. Между тем этот факт подтверждается и современниками—писателями и содержанием крестьянских наказов в Комиссию по составлению уложения 1767 года. Задолго еще до 18 века в земледелии центральных губерний Московской Руси господствовало трехпольное ведение хозяйства. Теоретические вычисления говорят, что при трехполье предельная густота населения определяется в 40—45 человек на одну квадратную версту. В описываемую эпоху густота населения московского центра дошла до 39 человек на квадратную версту, т. е. была близка к предельной величине. Естественный прирост населения допускал возможность дойти в некоторых районах до конечной грани густоты при трехпольном севообороте. Таким образом, малоземелье носило, собственно говоря, относительный характер. Земли не хватало при данной системе хозяйства. Благодаря этому в центре к концу 18 века обнаруживаются явные признаки сельско-хозяйственного кризиса—появляются избыточные рабочие руки, начинают ощущаться недостаток земли. „Земельное утеснение“ остро чувствуется, и крестьянская масса должна была искать выхода из затруднительного положения. Еще с большей силой испытывали недостаток в земле крестьяне—помещичьи, которые вообще были хуже обеспечены, чем крестьяне—государственные. Выходом из положения было увеличение запашек, дополнительные наделения. Но эта была

мера чрезвычайная. Правительство на нее не пошло. Неудивительно поэтому, что крестьяне вынуждены были искать выхода собственными силами и средствами. Такой выход они и находили в бегстве и переселениях, при чем не всегда можно провести строгую границу между тем и другим, настолько тесно сплетались друг с другом эти оба явления.

Вольно-народные переселения и их ближайшие причины.

В крепостную эпоху в России было повсеместно экстенсивное хозяйство, которое только в центре было представлено трехпольем, а на севере и отчасти востоке — подсечной системой. Результатом этого было малоземелье. Этот уже чисто экономический факт создавал избыток рабочих рук и лишние рты, и являлся сильнейшим стимулом к переселению. Малоземелье заставляло крестьянские массы совершать попытки обосновать свое хозяйственное благосостояние на новых вольных местах. Однако, как ни велико было влияние указанной причины на развитие колонизационного движения, не следует преувеличивать ее значения. Помимо нее и одновременно с ней действовали политические факторы. Чисто политические причины иногда в еще большей степени вызвали у населения стремление к переходу на новые места. С особенной силой эти причины действовали в процессе вольно-народной колонизации. Тут частую колонизация шла исключительно под влиянием этих факторов.

На первом месте должно быть поставлено *крепостное право*. Крепостного права в Древней Руси, как известно, не существовало. Прикрепление крестьян к земле состоялось в эпоху государственных и общественных смут, в критическую эпоху в конце 16 и в начале 17 столетий. Крепостной строй, и основанный на нем тип народного и государственного хозяйства, окреп и окончательно сложился в течение 17 и 18 веков. Свое же завершение и значительное территориальное распространение он получил при Екатерине II. „Московское правительство, прикрепляя крестьян, имело в виду — отмечает А. С. Лаппо-Данилевский — главным образом, не сословные тенденции землевладельцев, а государственный интерес, понимаемый им, правда в очень узком, казенном смысле слова. Крестьяне, лишенные свободы перехода, были обязаны служить землевладельцам, но и служилый класс должен был служить государству“. Однако, при слабости центральной государственной власти, власть помещиков быстро развилась и окрепла. К началу 18 века каждый помещик сделался мало по малу своего рода государем в своем поместье. Если он и не имел права жизни и смерти над своими подданными, то фактически имел полную возможность располагать по своему произволу трудом, имуществом и в значительной мере личностью своих крепостных. Он мог наказывать их всякими исправительными наказаниями, сечь, бить, дажесылать в Сибирь, отдавать в рекруты и продавать. Хотя в законе в защиту крестьян и были установлены кое-какие ограничения помещичьего произвола, но и эти ограничения могли иметь лишь очень шаткое применение — по закону же крепостным было запрещено приносить на своих помещиков жалобы. Не находя защиты ни в законе, ни в суде, крестьянин видел единственный выход из своего безмерно-тяжкого положения в бегстве. Ничем иным, как бегством, тайным уходом от крепостного тягла представляются переселения крестьянских масс. Такие переселения к тому же совершались по инициативе и средствами самих крепостных. Крестьянство буквально хватывалось за всякую легальную или полулегальную возможность

переселения, какими бы затруднениями это последнее не сопровождалось. Когда помещикам, например, в половине 18 века предоставлено было право ссылатъ своих крепостных в Сибирь, то среди крестьян находились лица, которые намеренно вели себя по отношению к своим владельцам так, чтобы вызвать помещиков на применение к ним указанной меры. Таким тяжелым путем они надеялись получить свободу от крепостного права, от подневольного ярма.

Помимо крепостного права в процессе вольно-народного переселения не малую роль играли и иные условия тогдашней политической обстановки. Это были—*рекрутчина, гонения на раскол*, особенно свирепствовавшее в первой половине 17 века и, наконец, *налоговая тягота*. При чем, если крепостное право сильнейшим образом способствовало бегству крепостных, то остальные условия в большей степени оказывали давление на государственных крестьян, действуя, конечно, и на крепостных. Особенно сильно действовала налоговая повинность.

В начале 18 века была произведена крупнейшая реформа. Она заключалась в том, что все прямые налоги были заменены одной подушной податью. Эта подать взималась с каждой „души“ мужского пола, записанной в акты переписей податного населения, в так называемой „ревизии“. Правда, эта реформа чрезвычайно упростила податную систему: не нужно было производить прежних сложных и дорогих кадастров, но она страшной налоговой тяжестью легла на крестьянство. Крестьянство обеднело и было разорено войной, рекрутчиной и административными злоупотреблениями, так что подать ложилась на него непосильным бременем. При Петре I-ом подати увеличились втрое, а в отношении прямых налогов, наиболее ощутительных для плательщиков,—и еще более. Так, прямые налоги в 1680 году составляли 8.4 миллиона руб. на наши деньги, а в 1724 г. 42.6 миллиона. Помимо подушной подати, население обязывалось еще целым рядом натуральных повинностей, которые поглощали не мало его трудовой энергии. Поэтому такое страшное повышение налогового бремени податная масса должна была особенно остро переживать.

Общее потрясение хозяйства страны, вызванное продолжительной войной, и возрастание налогового бремени были причинами неисправных платежей подати населением. Недоимки стали быстро появляться и увеличиваться. Так, в первые три года после введения реформы они достигли уже 1.5 мил. руб. Правительство повело жесткую кампанию по взысканию недоимок. Были созданы специальные военные экспедиции для собирания податей. „Полковые командиры—говорит проф. В. О. Ключевский—были разорительнее самой подати. Она собиралась по трем года, и каждая экспедиция длилась два месяца; шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом ужасе от вооруженных сборщиков, содержавшихся при этом на счет обывателей, среди взысканий и экзекуций“. Ближайшие после Петра приемники еще более усилили жестокости при взыскании окладных сборов и недоимок. Тюрьма, правед, батоги, конфискация, штрафы, как наказание за несвоевременный платеж, упоминаются во всех законодательных актах того времени. Правительство взяло под подозрение и местную администрацию. Оно считало, что местная администрация недостаточно энергично производит взыскание налогов и недоимок, и посылало из центра особых офицеров. Они получали особые полномочия не только на самые решительные меры по отношению к плательщикам, но и на репрессии по отношению самих воевод и губернаторов. Особо посылаемым военным чинам было предоставлено

право „держать воевод и губернаторов скованными до тех пор, пока будет выискана вся недомка“. Напуганная перспективой попасть в оковы, местная администрация действовала с мрачной энергией. Продажа последнего крестьянского имущества, самые тяжкие формы правеха, кандалы и тюрьма—были наиболее широко практиковавшимися приемами при розыскании податей и недомок. На эти приемы крестьянская масса отвечала пассивным сопротивлением и увеличивала число крестьянских побегов. Из некоторых губерний наблюдалось прямо повальное бегство. Военная Коллегия за время с 1719 по 1727 г. числила в бегах около 200.000 душ мужского пола. По сведениям той же коллегии недомка достигла к 1742 году внушительной цифры в 5 мил. руб., которую „за совершенной пустотой никак выбрать не можно“. Круговая порука отягчала положение оставшихся, и также служила стимулом и для них к бегству. Так одна волна переселения вызывала другую волну его же.

Рекрутчина и преследование раскола, по вполне понятным причинам, также способствовали крестьянскому бегству. Наконец, фактическая беззащитность, в особенности, государственных крестьян в земельном отношении тоже способствовала вольно-народному движению на новые места. Случаи захвата земель, находившихся в пользовании государственных крестьян и даже порабощении их самих со стороны сильных соседей наблюдались сплошь и рядом. Особенно часто это случалось в районах и местностях с плодородной почвой. Там эти захваты представляли собой весьма понятный интерес для землевладельцев. Иногда захваты лишали крестьян необходимых для ведения хозяйства угодий, а невозможность найти защиту, против сильных своим влиянием и богатством захватчиков, заставляла их покидать родные насиженные места. Возможность захвата облегчалась полной неопределенностью границ, в коих находилось землепользование крестьян. От захватов теряло и само государство, у которого таким путем отрывались значительные пространства земли. Однако, непосредственно и больше всего страдало, конечно, крестьянство. Вместе с крестьянством покидали свою родину и разные вольные, „гуляющие“ люди. Они отбегали по тем или иным причинам от привычного положения, и не могли уложиться ни в одну из социальных ячеек, искусственно созданных полицейским государством. Им терять было нечего. Сама неопределенность и неустойчивость их положения побуждала их к бродяжничеству; делала из них лиц, искавших куда бы преклонить свою буйную голову. В своем стремлении устроиться удачнее и вольнее они колесили по лицу земли русской и представляли из себя, если не очень большой количественно, то весьма интересный и своеобразный в бытовом отношении элемент переселения.

Наконец, часто оказывались в бегах и служилые люди. Это был низший слой служилого класса: пушкарки, зачинщики, рейторы, наемные солдаты и прочие, которые к 20-ым годам 18 столетия образовали сословие однодворцев. Причиной их бегства служили по большей части тяготы, с которыми была сопряжена воинская служба. Служилые люди бросали, как и крестьяне, свое имущество, дом и уходили в другие места, бросая при этом, конечно, и военную службу. Побег их с течением времени становятся типичными крестьянскими, так как они постепенно в бытовом и юридическом отношении стали с ними сливаться.

Наиболее вдумчивые современники отлично видели непосредственную связь между крепостным правом и вообще тяжелым положением крестьян и их побегам. Сиверс, Панин—оба указывали на

„тиранство господ“, тяжесть оброков и барщин, злоупотребления администрации, как на причины, усиливавшие бегство различных слоев крестьянства. Однако, отношение правительства к крестьянским побегам было совершенно иное.

Мы уже выше указали районы, куда направлялись беглецы. Большинство их бежало, конечно, на юг и юго-восток, в привольные степи, в дремучие леса. Там измученные люди надеялись найти избавление от цепей крепостничества и непосильного государственного гнета. Вольно-народная колонизация в крепостную эпоху заполняла обширные степи, пустыни и леса Европейской России. В то же время рядом с торной дорогой, по которой со звоном кандалов шагали партии преступников в Сибирь, никогда не заростала незаметная лесная тропа, по которой туда же в Сибирь тайком пробирались „свободный“ русский переселенец. Там он терялся в бесконечных пространствах Сибири и частенько добирался и до китайской границы, и до вечных льдов Севера, и до Камчатки, и до безбрежных водных пространств Тихого Океана.

Открыто крестьяне уходили от помещика только в окраинных местностях, где власть помещика была слаба. Дальность же расстояния не позволяла сразу обратиться за помощью к администрации, к властям. Чаше же всего крестьянам приходилось уходить тайком. Бывалые люди, иногда, брались быть их проводниками. Нередко эти же проводники сами грабили и убивали доверившихся им людей. Иногда, задумавшие бегство крестьяне посылали наперед разведывать про вольные места. Так появились предшественники современных ходоков.

И правительство, и помещики не оставались равнодушными зрителями массовых крестьянских побегов. Владельцы боролись с ними и домашними средствами, и при содействии властей. Содействие властей заключалось в принятии мер к поимке бежавших, предупреждению побегов, возвращению беглецов их старым владельцам. В местах, где обычно проходили беглые, правительство учреждало особые заставы, организовывало целые воинские экспедиции для преследования и поимки бежавших. Особые драгунские команды были назначены в дальнюю Сибирь. Такая система борьбы, конечно, была недостаточна. Бежавших было слишком много, иногда бегство сопровождалось оказанием сопротивления полицейским и воинским командам. Эти столкновения зачастую оканчивались успехом для беглецов. Побегι принимали стихийный характер. Местами появлялась прямо своего рода эпидемия побегов. Значительных результатов правительство достигло в Сибири, где ловля беглых и беспаспортных шла успешно; драгунские команды терроризировали местное население и явились настоящей грозой для всякого пришлого люда. Итак, административные меры, вообще говоря, не в состоянии были ни прекратить, ни даже ослабить побегι. Не лучше обстояло дело в борьбе с ними законодательным путем. Законодательные распоряжения издавались в большом количестве и широко распространялись среди населения. Однако, точка зрения правительства в них не представлялась устойчивой и менялась несколько раз. То правительство грозило строжайшими репрессиями не только самим беглецам, но и лицам, принимавшим их. То, наоборот, мерами кротости и обещаниями прощения стремилось вернуть беглецов на старые места. Все это помогало мало. Было слишком очевидно, что последовательное проведение в жизнь указов о беглых должно привести к обезлюдению окраин. Хозяйственная жизнь их, только начавшая развиваться, будет сразу убита. Так что и само правительство не особенно старалось проводить